

пейской мыслью. А намъ это вліяніе представляется еще болѣе значительнымъ. Русская критика западной культуры искала и ищетъ обоснованія въ нѣмецкой философіи (напр., у Шеллинга), но и — особенно въ послѣдніе годы — просто беретъ за образецъ западную (нѣмецкую) критику Запада (Зиммель, Шелеръ, Шпенглеръ). Но и, напр., популярный нынѣ идеалъ «новаго средневѣковья», вѣдь не является идеаломъ средневѣковья **русскаго** типа, а средневѣковья — **западнаго**. Такъ — аргументы въ пользу западничества даютъ и современные «антизападники», свидѣтельствуя тѣмъ, что связь Россіи съ Западомъ не случайна, а глубока и существенна. Значеніе книги **В. В. Зѣньковского**, между прочимъ, и въ томъ, что онъ напоминаетъ (со своей точки зрѣнія — см. стр. 286 — 8) о связанности историческихъ путей Россіи и Запада и правильно указываетъ, что не черезъ **исканіе** національнаго **своеобразія** творится **національная** культура, а черезъ служеніе объективнымъ **наднаціональнымъ** цѣностямъ и черезъ стремленіе къ объективнымъ, общезначимымъ цѣлямъ.

П. Прокофьевъ.

В. Н. ГОРБАЧЕВА: Молодые годы Тургенева (по неизданнымъ матеріаламъ). Казань. 1926. Стр. 47.

Работа **В. Н. Горбачевой** существенно обогащаетъ литературу о философскихъ истокахъ міровоззрѣнія Тургенева. Послѣ интересныхъ этюдовъ **Гершензона** («Мечта и мысль Тургенева») и работы **Л. Гроссмана** (въ Одесскомъ сборникѣ памяти Тургенева), посвященной міровоззрѣнію Тургенева на склонѣ его жизни (вліяніе позитивизма и Шопенгауэра), совершенно необходимымъ было изслѣдованіе «первой философской любви» Тургенева — его юношескаго увлеченія гегельянствомъ. Небольшой, живо и интересно написанный этюдъ г-жи **Горбачевой** въ существенномъ посвященъ именно этой задачѣ. Используя не только существующую литературу, но и архивные матеріалы орловскаго тургеневскаго архива, авторъ освѣщаетъ берлинскій періодъ жизни Тургенева (1840 — 41), его участіе по возвращеніи въ Москву въ гегельянскомъ кружкѣ Аполлона Григорьева. Затѣмъ слѣдуютъ страницы, занятія характеристикой философской работы Тургенева въ Москвѣ, главнымъ образомъ на основаніи рукописи его магистерской диссертации. Далѣе авторъ особо останавливается на эстетическихъ взглядахъ Тургенева, сближая ихъ съ эстетикой Гегеля, возвращаясь къ этой темѣ отчасти еще и въ особомъ «приложеніи» — «Отголоски философской романтики въ творествѣ Тургенева», гдѣ находимъ обзоръ всѣхъ образовъ, связанныхъ, по мнѣнію г-жи **Горбачевой**, съ гегельянскими симпатіями Тургенева и его юношескимъ увлеченіемъ нѣмецкой романтикой; такіе образы г-жа **Горбачева** отмѣчаетъ въ «Рудинѣ», «Яковѣ Пасынковѣ», «Фаустѣ», «Ась», «Дворянскомъ гнѣздѣ», «Наканунѣ».

Книжка заслуживаетъ вниманія не только историка литературы, но и историка философіи. Для русской мысли часто только прослоч-

ной дорогой бывала «чистая», «теоретичная» философия, а наибольшего захвата, оригинальности и глубины, и уж во всяком случае максимального влияния на сознание общества, философствования достигало въ, по существу, чуждых ему сферахъ — у публицистовъ, религиозныхъ мыслителей и, конечно, въ первую очередь въ изящной литературе. Рядъ работъ послѣднихъ десятилѣтій показываетъ, что и у историковъ литературы и у историковъ философии въ Россіи есть сознание стоящихъ передъ ними задачъ изслѣдованія судьбы русской мысли въ узкихъ предѣлахъ философии и хотя и нѣтъ еще напр., исчерпывающаго и завершеннаго изслѣдованія философскихъ истоковъ и философскаго значенія творчества Достоевскаго, но уже можно назвать достаточно работъ, посвященныхъ этой темѣ.

Работники въ пограничной области исторіи литературы и исторіи философии встрѣчаются на своемъ пути со своеобразными трудностями. Речь, конечно, не только о соединеніи въ одномъ лицѣ специальныхъ философскихъ и историко-литературныхъ познаній. Главная трудность въ той причудливой формѣ, которую приобретаетъ то или иное теоретическое содержаніе, претворяясь въ литературный образъ (достаточно указать такіе примѣры, какъ Философія культуры Руссо и — Карль Мэръ въ «Разбойникахъ» Шиллера, гносеологія Канта и — «театръ маріонетокъ» у Г. фонъ Клейста, «просвѣщенство» и — образы Ивана Карамазова, Смердякова и черта въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», философское изложеніе ряда образовъ Тургенева, тонко вскрытое въ упомянутой работѣ Гершензона). И именно эта причудливость и неожиданность литературныхъ претвореній философской мысли наиболѣе затрудняетъ работу изслѣдователя. Необходимо съ большою точностью и обстоятельностью знать, что именно читатель изучаемый писатель, каково было его непосредственное впечатлѣніе отъ прочитаннаго, какія позднѣйшія наслоенія могли видоизмѣнить въ его представленіи первоначально у него созданшійся образъ философской системы или теоріи. Между тѣмъ какъ разъ о раннихъ годахъ великихъ писателей мы знаемъ меньше всего. И на основѣ этого немногаго приходится строить изслѣдованіе. Поэтому-то отъ «подготовительной» работы, подобной работѣ г-жи Горбачевой, мы въ правѣ требовать особой тщательности и точности.

Мнѣ представляется, что въ общемъ удачная работа г-жи Горбачевой все же содержитъ изрядное количество неточностей и неясностей, и что, въ то время, какъ брошюру съ большимъ интересомъ прочтетъ каждый поклонникъ Тургенева, для изслѣдованія предлагаемый матеріалъ можетъ служить только при первой оріентировкѣ.

Начнемъ съ мелочей. М. б. условіями печатанія нужно объяснить то, что въ обильныхъ нѣмецкихъ цитатахъ и ссылкахъ трудно найти слово, напечатанное правильно (хотя книга печаталась, какъ «образцовое» изданіе въ печатной школѣ имени Луначарскаго и на оборотѣ титульнаго листа читаемъ и имя «надзираващаго» за печатаніемъ). Но въ неточности ссылки нужно упрекнуть и автора. То не указанъ годъ изданія, то названіе цитируемаго неточно, то не указанъ томъ, а то нѣтъ даже и имени автора (стр. 9 цит. «Geschichte der neueren Philoso-

phie», м. б. Фейербаха?). Да и самая сохранившаяся книга библиотеки Тургенева не привлечены. Схема положенная авторомъ въ основу—развитіе Тургенева отъ Гегеля къ Фейербаху м. б. слишкомъ упрощена. При этомъ — врядь ли нужно искать импульсовъ поворота къ Фейербаху въ статьѣ Бакунина въ «Deutsche Jahrbücher». Въдѣ толчекъ къ такому повороту могъ быть данъ скорѣе всею берлинской атмосферой, въ которой идеи лѣваго гегельянства въ это время «носились». А въ библиотекѣ Тургенева мы видимъ рядъ лѣвогегельянскихъ боевыхъ книгъ, вліяніе которыхъ на Тургенева авторомъ не обследовано (г-жа Горбачева, къ сожалѣнію, не приводитъ **полнаго** списка, а лишь называетъ книги, которыя, по ея мнѣнію, для ея темы существенны). — Но г-жѣ **Горбачевой**, повидимому, нѣсколько неясна вся исторія развитія гегельянства. Такъ, напр., она считаетъ проводникомъ вліянія Шеллинга на русское студенчество гегельянца Вердера и даже думаетъ, что позднее правое гегельянство «признало Шеллинга своимъ вождемъ». Конечно, такого сближенія гегельянства съ шеллингианствомъ никогда не было, а увлеченіе гегельянца Тургенева Шеллингомъ нужно попытаться объяснить какъ-либо иначе. Въ книгѣ отношеніе Тургенева къ Шеллингу остается невыясненнымъ. Использовать нѣмецкую литературу (а г-жа Горбачева нѣсколько разъ даже Гегеля цитируетъ по русскому переводу французской философской хрестоматіи **Фулье**) о тѣхъ явленіяхъ и лицахъ, о которыхъ въ книгѣ идетъ рѣчь, намъ думается, было прямой обязанностью автора. Между тѣмъ, быть можетъ, именно незнакомствомъ съ линіей философскаго развитія Германіи, параллельно съ которымъ и въ зависимости отъ котораго протекало философское развитіе Тургенева, объясняется и отсутствіе у автора интереса къ темамъ вниманія заслуживающимъ. Такъ авторъ упоминаетъ о сохранившихся запискахъ берлинскихъ лекцій Тургенева, но, повидимому, вовсе не интересуется ихъ содержаніемъ. Иногда автору стоило бы обратить вниманіе на, казалось бы, совсѣмъ незначущую мелочь — напр., адреса кафе, въ которыхъ бывали русскіе студенты, — между тѣмъ среди этихъ кафе, м. б., были и Stammlokale лѣвыхъ гегельянцевъ? — Иногда же авторъ съ излишнимъ вниманіемъ ищетъ гегельянскихъ вліяній тамъ, гдѣ дѣло ясно и безъ всякихъ вліяній—такъ врядь ли нужно въ позднѣйшемъ позитивистическомъ скептицизмѣ Тургенева искать вліяній Фейербаха или даже въ Пигасовѣ (!) видѣть литературную обработку образа Шульце - Энезидема.

Отмѣтимъ еще рядъ неточностей и неясныхъ выраженій — философія Гегеля **не** построена «силлогистически»; врядь ли можно думать, что Шопенгауэръ оказалъ особое вліяніе на иныхъ критиковъ Гегеля; очень сомнительны ибо слишкомъ общи сближенія эстетическихъ взглядовъ Тургенева съ эстетикою Гегеля; непонятно, почему авторъ «въ доказательствахъ Лавренкаго» «невозможности скачковъ и надменныхъ передѣлокъ» видитъ «вліяніе гегельянства и его диалектики», скорѣе ужъ тутъ можно видѣть полемику противъ гегельянства. — Отмѣтимъ въ заключеніе, что приводимые авторомъ (стр. 17) два отрывка работъ Тургенева — двѣ схемы категорій обѣ являются просто конспектами «Науки Логики» Гегеля (а именно первая — стр.

169 — 184 IV т. сочинений Гегеля въ изд. Лассона; а вторая III-го тома того же изданія страницъ 67, 95 и слѣд., 98 и слѣд., 104 и слѣд., при этомъ вмѣсто напечатаннаго «Das Sein» нужно читать «Dasein», а вмѣсто «R. и N.» — «Q. и N.» — сокращеніе «Qualität und Negation»).

Г-жа Горбачева, м. б., не желая повторять фактовъ доступныхъ читателю изъ другихъ источниковъ, обходитъ въ книгѣ молчаніемъ весь матеріалъ, изданный Корниловымъ въ «Годахъ странствій Мих. Бакунина». Намъ представляется, что хотя бы краткія указанія были бы необходимы.

Повторяемъ еще разъ, что при всѣхъ своихъ недочетахъ и недосмотрахъ работа г-жи Горбачевой заслуживаетъ вниманія читателей, и какъ живо написанная страница изъ исторіи русскаго гегельянства, еще разъ напоминаетъ о необходимости опубликованія неизданныхъ тургеневскихъ матеріаловъ, лишь отчасти использованныхъ авторомъ.

П. П.

И. Пузино, Религіозныя исканія въ эпоху Возрожденія, I, Марсиліо Фичино, 1923. J. Pusino, Ficinos und Picos religiös - philosophische Anschauungen, Zeitschrift für Kirchengeschichte, XLIV Bd.

Русская историческая наука издавна влеклась къ Италиі, — Италиі времени «средневѣковья» (если только этотъ терминъ, вообще, приложимъ къ Италиі) и «Возрожденія», — быть можетъ инстинктивно и въ силу того, что насъ всегда тянетъ къ тому, чего въ насъ смикъ нѣтъ. Русскій вкладъ въ науку объ Италиі очень великъ. Достаточно назвать имена Кудрявцева, Герье, И. М. Гревса, Виноградова, Корелина, Александра Веселовскаго, а изъ болѣе молодого поколѣнія уже покойныхъ В. Э. Крусмана, замѣчательная книга котораго объ **англійскомъ** гуманизмѣ имѣетъ громадное значеніе и для итальянскаго, и В. Н. Забугина, а также и нынѣ здравствующихъ Л. П. Карсавина и Н. П. Оттокара. Лишь очень немного изъ этого вклада стало общевропейскимъ достояніемъ, ибо принятый на послѣднемъ передъ Войной всемірномъ конгрессѣ историковъ (по инициативѣ Н. М. Бубнова) принципъ, что русскій языкъ является однимъ изъ общенаучныхъ языковъ, остался и до сихъ поръ и, должно быть, надолго останется лишь благимъ пожеланіемъ. И. В. Пузано, одинъ изъ младшихъ представителей плеяды русскихъ *italianizzanti*, пишетъ свои изслѣдованія по русски и по нѣмецки. И. В. Пузино раздѣляетъ ту, въ настоящее время, кажется, завоевывающую себя господство, точку зрѣнія, по которой **сейчасъ** монографическое изслѣдованіе отдѣльныхъ сторонъ и представителей Ренессанса вальѣе опытовъ синтеза. Нельзя дать новый синтезъ, который бы замѣнилъ, такъ или иначе восполнивъ и выправивъ ее, установившуюся съ первой пол. XIX в. «аульгату» о Ренессансѣ, безъ углубленія въ старые матеріалы и безъ привлеченія новыхъ. Работы Пузино всецѣло оправдываютъ его мнѣніе. Его изслѣдованіе о Марсиліо Фичино показываетъ въ Фичино живую ин-